

НАТАЛЬЯ КИСЕЛЕВА

**ТОЛЬКО
ПРАВДА**

Наталья Киселева

Только правда

«Издательские решения»

Киселева Н. В.

Только правда / Н. В. Киселева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850197-5

Выпавшие на долю Натальи Киселевой испытания были способны сломить любого, но только не ее. С тяжелой болезнью она боролась упорно, бесшабашно, весело, воодушевляя других, заражая своим оптимизмом, вселяя веру и надежду. Ее записки рождены из того же пропитанного болью материала, из которого были созданы «Раковый корпус» и «Как закалялась сталь», они потрясут своей правдивостью и точностью. Эта книга в ваших сердцах найдет глубокий отклик. Потому что это — правда. Ничего, кроме правды.

ISBN 978-5-44-850197-5

© Киселева Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Только правда	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Только правда

Наталья Викторовна Киселева

© Наталья Викторовна Киселева, 2017

ISBN 978-5-4485-0197-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Наташа Киселева не была моей пациенткой, я познакомился с ней в 2006 году, когда она стала постоянным участником форума пациентов на сайте «Жизнь вопреки ХПН». Какой-то горячей жизненной силой были пронизаны ее сообщения. И еще меня к ней расположило то, что она сразу взялась помогать. Всем.

Вот что обязательно нужно знать тем, кто держит эту книгу в руках: Наташа постоянно кому-то помогала, о ком-то заботилась, кого-то поддерживала, словом, делом, даже самым фактом своего существования. Она не писала об этом, она считала это естественным, это был ее способ жить и верить.

Я тоже получил от нее серьезную поддержку: она систематизировала огромную информацию, собранную на форуме и составила интерактивное оглавление, которым долгие годы будут пользоваться многие люди. Долгие годы, уже без нее, без нашей Наташи.

Нам всем, ее друзьям, хотелось сохранить эхо ее чуть ироничного голоса. Нам кажется, что она своим ярким словом поможет (в который раз поможет) всем, кто прочтет ее записки – пациентам, врачам, родственникам пациентов. Поможет, уже переступив границы земного существования.

Алексей Денисов

Только правда

2004-й, сентябрь. И чего я так боялась ложиться в больницу? Давно надо было. Всего-то один день лежу, пару капельниц сделали, а уже могу лежать на спине и нормально дышать. Полежу пару недель, подлечусь, давно пора. Все же с моим диабетом шесть лет не лежать в больнице – это перебор.

Так я думала, лежа на койке в двухместной, вполне комфортабельной палате. Соседка по палате, молодая девица по имени Женя, ушла домой на выходные. У Жени после родов обнаружили диабет. Она колола бешеные дозы инсулина и целыми днями поедала печенье – кажется, сладкое. При этом все время говорила, как ей нужно похудеть. Я сказала было про печенье, но встретила полный недоумения взгляд – оно же низкокалорийное! В общем, девица была скучна, говорить с ней было не о чем. Поэтому сначала я обрадовалась, когда она ушла. Но потом стало скучно.

Из дома почитать взяла только «Раковый корпус» Солженицына – и с чего я решила, что уже не выйду из больницы? Решила себя подготовить подобным чтением, вот идиотка. А теперь маюсь, бродя по коридору и не зная, чем себя занять. Наверное, зря я так ополчилась на Э., врача-эндокринолога. Ну, подумаешь, наговорила мне когда-то гадостей, зато сразу разобралась, что в моих постоянных гипах виноваты не нарушения режима, о чем мне упорно талдычили другие. И маме пропуск дала для посещения в любое время, сказав: «У вас дочь тяжелая». И что тут тяжелого? Вон как бегаю! Попью леспефлану, говорят, он креатинин хорошо снижает. Правда, что-то уж больно высокий креатинин – 870, кажется. Может быть, еще ошиблись, вот сдам анализы завтра, и увидим.

И что они к моим легким привязались? Только на рентген уже три раза таскали, а рентген в подвале, там холодина такая, что можно туберкулез заработать. Хотели меня на каталке везти – смех, я сама кого хочешь туда отвезу! Понос, правда, осточертел уже, ни днем, ни ночью покоя нет. А креатинин уже – 1000. Но Э. каждый раз на обходе держится очень уверенно, говорит: «Подлечим, подлечим тебя».. Зря я на нее «тянула» – вон, как хорошо ко мне относится, даже в двухместную палату положила. Женя выписалась, теперь лежу с Мариной – у нее что-то со щитовидкой. Все время меня успокаивает, а я и так спокойна. На работе пока раскачка идет, до сессии далеко, успею еще.

Н-да, что-то явно не то творится. Отеки, вроде, немного начали спадать, а сейчас снова все больше и больше. И зачем я съела эту кукурузу, ведь она лежала не в холодильнике? Отравилась, наверное, вон температура подскочила. Еще неделю, как минимум, это добавит. Э. говорит, что ей что-то не нравится. Сказала маме, что меня надо возить на плазмаферез, но «она этого не говорила». Потому что процедура платная, она ее не имеет права назначать.

Завтра повезут в заводскую поликлинику делать плазмаферез. Страшно, конечно: сказали, где-то литра полтора крови сразу возьмут. Но что-то надо делать – сил совсем не стало. Возили в очередной раз на рентген на коляске. Значит, мне не лучше, а хуже становится: в прошлый-то раз сама шла, а тут даже на коляске не хотела ехать, так устала. Оставьте, говорю, меня в покое. Света, медсестра: «Наташ, ну надо, я тебя довезу». И я не смогла отказаться от коляски.

Надоело все до чертиков. Спать ночью не могу совсем. Врач говорит, что это потому, что сплю днем. Она говорит: «А ты не спи днем». И как не спать, если глаза сами закрываются? Ходила на плазмаферез два раза. Делал С. – классный мужик, военный врач. Я просто не привыкла к такому обращению. Так меня успокаивал, хоть это совсем и не страшно. Обещал за месяц привести меня в порядок. Я ему верю, только Э. ему мешает. Хуже всего ночью. Почему-то страшно и кажется, что скоро умру. Один раз представила, что больше не увижу своего Лисенка – чуть не заплакала. В выходные приходила Машка. Судя по ее округлившимся глазам, вид у меня неважный. Да я и сама вижу – отеки все больше и больше. Скоро ложку в руках не удержу. Надеюсь только на плазмаферез. Пить не дают: глоток воды как награда. И все время делают капельницы.

Как-то утром проснулась и поняла, что у меня отнялись ноги. Стало очень страшно. Сползла кое-как с кровати и пошла в коридор – там все же народ ходит. Села на стул и думаю: а обратно-то как дойду? Ждала, когда Э. на работу придет. Она пришла и сказала, что все нормально, все пройдет. Иди, говорит, в палату. Я бы и пошла, но не знала как, не идут ноги – и все. Довела меня до палаты одна девушка из другой палаты. Когда опять сделали капельницу, она закончилась, а вынимать иголку из вены никто не пришел. Я сама выдернула иголку, кровь пошла. Сидела на кровати и смотрела, как идет моя кровь. Потом пришла медсестра, отругала, забинтовала. Весь пол и простыня были в крови. Вен уже просто нет, колют в запястья. Соседка у меня поменялась – Марину отселили, а поселили Людмилу Сергеевну. Она без руки (с культей) и ходит только с ходунками. Ко мне стал приходиться Костя. Я не хочу, чтобы он меня видел такую, но все равно радуюсь – ничего не могу с собой поделаться. Он стал очень терпелив со мной. Мне надо его выгнать, но это выше моих сил. Он говорит: «Ты крепкая, ты все выдержишь». Конечно – а что мне еще остается? Вокруг меня какие-то нехорошие разговоры: говорят, что не знают, что со мной делать, хотят вызвать кого-то из Москвы. Но ведь плазмаферез только начали, и С. сказал...

Что-то медсестры со мной стали больно предупредительны. Одна сказала: «Ты хороший человек, ты не умрешь». К чему бы это? Я ведь и не собираюсь. С утра приехало «светило» из Москвы. Все врачи собрались на него посмотреть. Сначала он смотрел мою УЗИ почек, анализы, потом зашел в палату. Мама сидела рядом. Она в последнее время почти всегда рядом, когда не бегает за какими-то очередными лекарствами. Он подошел к моей кровати и буквально впился в меня глазами. Толстое, круглое, слегка помятое лицо.

– Ну что ж... Кем ты работаешь?

– Концертмейстером

– Так вот, товарищ концертмейстер, почки у тебя не заработают уже никогда. Сладкое воровала? Диету нарушала?

– Не особенно. И зачем мне воровать, я просто брала.

– Ну вот, допрыгалась. Конечно, ты могла бы заливать растворы (это еще что такое?) дома хоть тридцать лет (как я узнала потом, бред полнейший). Но мест у нас нет. Поэтому, – он картинно развел руками, – жить ты не сможешь.

Все это он произнес, глядя мне прямо в глаза и явно ожидая какой-то реакции. У врачей и медсестер, ждавших высочайшего вердикта у дверей в палату, вытянулись лица. В голове вертелось: «Но С. же сказал... И Костя... А этой роже чего от меня надо?». Ладно, разберусь потом, не сейчас... «А ведь он от меня истерики ожидает», – вдруг дошло до меня. Я посмотрела прямо в глаза этой красной помятой роже и сказала:

– Да? Серьезно?

Он явно ожидал чего-то другого. Как-то сразу сник и пошел к выходу. Выходя, бросил через плечо:

– Ну, можете выписать ей пару флаконов плазмы. Я подпишу.

2004-й, октябрь. Как-то за всем этим и не заметила, как наступил октябрь. После визита «светила» все отделение гудело: когда я выходила в коридор, каждый пациент считал своим долгом подойти ко мне и выразить свое негодование действиями «убийцы в белом халате». При этом глаза обычно прятали, но я и так знала, что в этих глазах. «Слава Богу, что это случилось не со мной» – это было написано на всех лицах крупными буквами. Я равнодушно и дежурно отвечала: «Я еще их всех переживу». А сама начала готовиться.

Написала коротенькое прощальное письмо Косте, уместилось на одной странице. Письмо я отдала ему на следующий день, сказала, чтобы прочитал, если... Он что-то проворчал недовольно, вроде: «Что за дела...», но письмо взял. Я рассказала ему про визит светила, начав словами:

– Ты представляешь, этот м...

Костя скривился:

– Наташа, тебе это не идет. Не говори такого. Для тебя это даже полезно: может быть, перестанешь наконец витать в облаках и сконцентрируешься на главном – на своем выздоровлении.

Я давно знала, что про неприятности он просто не хочет ничего знать, и ему это обычно отлично удавалось. Но в этот раз не удалось. Во время разговора с ним я вдруг почувствовала, что у меня все тело немеет, язык не ворочается. Голова еще соображала, но тело абсолютно не слушалось. Мама:

– Наташа, что с тобой?

А я сама не пойму, хочу сказать, что все нормально – и не могу. Костя все же струхнул, обнял меня. Меня куда-то тянуло, тащило, а он меня обнимает. Хорошо и совсем не больно. Вот бы сейчас умереть, я так устала.

– Сахар у нее упал! – это мама.

Набежали медсестры с глюкозой. Через десять минут я была в порядке, если это можно так назвать. Жаль.

Медперсонал явно не знал, что со мной делать. Впервые прозвучало слово «диализ». Причем, в диализе наши врачи не разбирались абсолютно, и информация до меня доходила самая туманная. Говорили что-то про трубку в животе и одновременно про то, что разрежут руку и ею после этого практически нельзя будет шевелить (для меня – полная катастрофа!). Конечно, на тот момент я не то что на пианино играть – ложку с трудом удерживала. Но это меня как раз не очень беспокоило, я понимала, что или что-то сделают, и руки мои обретут нормальный размер, или просто они мне уже не понадобятся. Продолжать плазмаферез мне запретили категорически, сказали, что общий белок крови (оказывается, он не только в моче бывает) упал до критической отметки. Диализных мест не было.

То есть не было бесплатных. А платные наши медики предлагать не имели права. И тогда они решили меня выписать. Потому что креатинин к этому времени стал уже 1200. Мама мота-

лась с моими анализами в К., ближайший к нам город, где был диализ. Местный врач, увидев анализы, сказал, что такую пациентку он бы не взял, потому что с такими анализами не живут. Но если за деньги, то ему, в принципе, все равно. На один месяц диализа нужно было 27 тысяч рублей. На один месяц деньги были. Что будет дальше, старались не думать. При чем деньги наличкой не брали, их должны были перевести как бы от организации-спонсора. Почему я была до сих пор жива, совершенно непонятно. Видимо, клятуший понос, донимавший меня круглосуточно днем и ночью, спас мне жизнь за неимением нормального лечения. Врач торжественно объявила маме: «Каждый день может стать последним». Я была не против. Чувствовала, что жизнь моя все равно закончилась, прежней жизни больше не будет никогда. Я не хотела ходить с развороченным животом, рукой или чем-нибудь еще, тем более, что информации о том, что меня ожидает, практически не было. Людмила Сергеевна, однорукая моя соседка по палате, рассказала, как в молодости она попала в аварию. Рука держалась на честном слове. У нее началась гангрена, и врач-хирург дал ей два часа на размышление. «Если через два часа я не отрежу тебе руку, – сказал он, – у тебя начнется заражение крови». Сначала она хотела умереть, потому что не представляла, как будет жить без руки. Потом сказала себе: «А почему бы не попробовать, «туда» ведь всегда успею. И попробовала. Теперь у нее замечательный сын, который ее обожает (чистая правда, сама его много раз видела), отличный внук. «Вот и ты, – говорила она мне, – попробуй сначала. Все у тебя будет хорошо! Ты бы видела, как твой Костя побелел весь, когда тебя с сахаром скрутило». Я обещала подумать. Хотя мне пока толком никто ничего не предлагал.

В последний перед выпиской день я зашла к Э. поговорить. Да, представьте себе, я, несмотря на все врачебные прогнозы, еще вполне прилично передвигалась и неплохо соображала. Э. я добила вопросом о том, когда примерно я смогу выйти на работу. Она открыла рот, чтобы разразиться бурной речью о том, понимаю ли я вообще свое положение, но, посмотрев мне в глаза, вдруг поняла – очень даже понимаю. И сказала совсем другое:

– Знаешь, а ты выйдешь на работу. Конечно, ты была трудной пациенткой. Но именно такие и выживают – самые упертые. Конечно, мало кто с этим работает. Но насчет тебя я не сомневаюсь.

В последний мой день в больнице у Машки был день рождения. Вечером я попросила у медсестры разрешения позвонить по телефону. Обычно они разрешали не всегда, но мне было можно все (положение приговоренного к смерти тоже имеет свои преимущества). Почему-то никак не могла набрать номер – пальцы не слушались, мысли разбегались. И вообще было ощущение, что забыла как пользоваться телефонным аппаратом (потом узнала о влиянии на мозг уремических токсинов). Все же сконцентрировалась и набрала номер, вяло поздравила Машку. Она говорила со мной слишком бодро:

– А у меня Костя, я его сейчас позову!

Мне это как-то не очень понравилось, но такая мысль сразу же ушла. Кто теперь я? От меня только тень осталась, правда, слишком уж большая по размеру, настолько все распухло. Чуть ли не впервые в жизни я не испытывала никаких чувств от разговора с Костей. Даже раздражала эта фальшивая бодрость, он что, действительно не понимает моего положения или притворяется? Скорее всего, не хочет понимать! Я оживилась только тогда, когда он сказал, что завтра вечером придет ко мне, а потом поедет вместе со мной в Москву в больницу.

На следующее утро меня выписали. Я обняла Людмилу Сергеевну, по традиции потянула за ее койку и тут же подумала: а куда я ее тащу? Где я сама буду через день? Лучше не думать. Лучше я подумаю о том, что вечером придет Костя, а завтра он поедет со мной в больницу.

Вечером они пришли – Костя и Машка. Машка мне потом сказала, что видок у меня был похуже, чем у ее отца непосредственно перед смертью, и она всерьез опасалась, доживу ли я вообще до утра. Я и сама ощущала, что счет пошел на часы. Рано утром они опять пришли. Машка договорилась с нашим бывшим одноклассником, у которого был свой фургончик, что

он довезет нас до больницы. Тут меня ждало разочарование: я-то думала, что Костя сядет рядом, а они с мамой сели к водителю, вроде бы для того, чтобы мне было больше места. Мне осталось только покориться судьбе и закрыть глаза. Иногда они меня окликали, помня о моем сахаре. Я отзывалась не сразу, мне нравилось слышать тревогу в голосе Кости. Понимала, что веду себя нехорошо, но не могла отказать себе в последнем удовольствии. В больнице мне должны были поставить катетер для гемодиализа, чтобы потом везти в К. на платную процедуру. Но катетеров не оказалось.

– Последний вчера поставили, – сказал хирург.

– Фистулу делать бесполезно, она не доживет до того времени, когда фистула созреет. Могу предложить перитонеальный диализ. Вставим ей в живот трубку и будет заливать растворы.

Я не имела ни малейшего понятия, что это такое. Но выбора не было. С трудом поставив закорючку на согласии на операцию (если так пойдет – скоро крестиком подписываться буду), я пошла в палату.

– Операция через полчаса – напутствовал хирург.

У меня еще ЦЕЛЫХ полчаса. Конечно же, их я провела в обнимку с Костей.

Ну, все, пора. Передышка закончилась. Впереди была полная неизвестность и, как я подозревала, ничего хорошего. Но действительность превзошла все мои самые худшие ожидания.

До сих пор не пойму, почему же со мной так поступили в нашей ЦРБ. Вместо того, чтобы отвезти на «скорой» в больницу, где есть диализ, просто выкинули на улицу. Хотела потом съездить к Э. и спросить ее, да времени не было. Хирург сразу сказал, что нужно отдать 1000 долларов за операцию и за растворы – единовременный взнос, так сказать. С собой у нас было только 200.

– Только не обманите

Как теперь понимаю, хирург нервничал, потому что его требования были абсолютно незаконны. Мама сказала, что остаток будет в понедельник. Меня повели в операционную. Я разделась и легла на стол, имея очень слабое представление о том, что, собственно, хотят со мной делать. Вся подготовка к операции свелась к тому, что мой живот щедро намазали йодом.

– Сейчас вы почувствуете укол, а потом чувствительность утратится.

Я от страха начала про себя напевать «А Мари всегда мила...» – первую песенку, которая пришла в голову.

– Ты чего воешь? Больно? – так оценили мои вокальные данные.

– Вроде нет

Больно действительно не было. Ощущение было, как будто к моему животу присосался вампир и методично высасывает все внутренности. Терпеть это не было никакой мочи, и я начала потихоньку двигать ногами, чтобы отвлечься.

– Не шевелись! Будешь дергаться – переставлять придется!

Господи, только не это! Я вспомнила девочку из палаты, которая успела мне сказать: «Не бойся, я во время операции вырубилась и ничего не чувствовала». Везет же людям! Я бы с удовольствием, но даже намек нет! Во рту пересохло, язык как наждачная бумага – знакомые все признаки.

– Мне плохо, у меня сахар поднялся!

– Да? Медсестра, измерьте ей сахар! Действительно высокий – 29. Инсулин у мамы есть?

– Есть.

Вышли в коридор:

– Мама, наберите инсулин!

Ко мне:

– Сколько?

После этого вопроса мое мнение по поводу их профессионализма упало катастрофически, но куда деваться, если уже лежишь с развороченным животом?

– Где катетер ощущаешь – в прямой кишке?

– Понятия не имею, вам виднее.

– Смотри, будет не там – придется переделывать.

Только не это! Наконец, закончили, зашили.

– Вставай, иди на коляску.

Кое-как переползаю на коляску. Смотрю на живот, из него торчит пластиковая трубочка с наконечником на конце, это еще что за фигня?

– В трусы не засовывать, – последнее напутствие.

Я ошарашено смотрю на новоприобретенную часть тела и засовываю ее в трусы, потому что больше просто некуда. Мама волочит коляску со мной в палату. Новая жизнь началась.

В палате я переползла на кровать в полном изнеможении и сразу отключилась. Вообще, как я рассмотрела потом, палата больше напоминала цыганский табор. Все пациенты жили с родственниками, часов посещений не было, родственники находились в палате круглосуточно. Ночевали кто где: кто притащил раскладушку, кто уходил на ночь на пустую кровать в коридоре, кто спал на полу, кто на одной кровати со страждущим родственником. Главное – прийти в палату до девяти вечера (после этого отделение закрывали на замок). Несмотря на то, что палата была женской, жили тут и мужчины-родственники. Как я поняла потом, это было жизненно необходимо. Но об этом позже.

Проснулась я от того, что меня переворачивали:

– Наташенька, надо заливать. Ты лежи, я все сделаю, только не дергайся.

У моей кровати мама и врач. Врач что-то показывает, делают что-то с моей трубочкой. Слышу их разговор:

– Это надо будет делать четыре раза в день.

– Да, я поняла. И как долго?

– ВСЕГДА!

Можно ли убить человека одним словом? В тот момент я подумала, что можно. Было больно – вообще-то заливать рекомендуют не раньше, чем через две недели после операции, чтобы все успело зажить. Но это был не мой случай, столько бы я просто не прожила. Но услышав слово «всегда», про боль я напрочь забыла. «Почему мне не сказали раньше? Я бы никогда на это не согласилась! Каких-то два дня оставалось промучиться – и все!». В голове начало звенеть. Я с удовольствием потеряла бы сознание, да как бы не так!

– Наташенька, что ты стонешь? Больно?

– Нет.

– Больно, я знаю. Сделайте ей обезболивающее.

Я хочу сказать, что не нужно, а потом думаю – какая разница. После укола голова закружилась и я благодарно провалилась в темноту.

М-да. Следующая неделя была, пожалуй, самой страшной в моей жизни. В первую ночь после операции у меня в очередной раз упал сахар. Смутно помню, как мама пихала мне в рот варенье, а я отчаянно отплевывалась. Никогда в жизни я так страстно не хотела умереть! Потом я слышала скрежет зубов и жуткий вой. «Это я, что ли, так вою?» – я успела еще удивиться. Дальше – тишина. Бедные однопалатники решили, что к ним положили буйнопомешанную, но ни до, ни после такого больше не повторялось. Сказать, что я сломалась – не сказать ничего. Меня просто НЕ БЫЛО.

Бедная мама всерьез опасалась за мой рассудок: я упорно лежала на левом боку (с левой стороны как раз был вставлен катетер), уставившись в стену. Иногда бежала в туалет в самом конце коридора – первые два дня меня возила мама на коляске, потом стала ходить сама. На все мамины увещевания отвечала односложно: «Отстань». На ее попытки заинтересовать

меня процедурой заливки ответила еще более определенно: «А пошло оно все на...!». Тетушки в палате бурно осуждали мое поведение, но мне было все равно. Медперсонал нас не тревожил своим вниманием – были выходные. Еду по этой же причине давали сладкую, никто из врачей не написал, что у меня 9-й стол. Не есть тоже было нельзя.

Сахар прыгал невероятно, но мне было все равно. Организм мой как будто понял, что за него взялись основательно и почти сдался. Из-за отеков я с трудом шевелилась, не могла наклониться, пальцы напоминали сосиски, кожа лопалась. В общем, даже в нашей тяжелой палате на меня смотрели с плохо скрываемым ужасом. Как я понимаю, шансов выжить у меня почти не было, тем более, что жить я и не хотела. Совсем. Но... Душа отчаянно хотела умереть, тело же не менее отчаянно цеплялось за жизнь. Победил как всегда сильнейший, то есть тело.

Теперь хочу описать место, куда я попала, и нашу палату. Отделение «искусственной почки» находилось в старом трехэтажном особнячке с абсолютно непонятной планировкой, некоторые лестницы вели просто «в никуда». На первом этаже были столовая, раздевалка, лаборатория и диализный зал. На втором – палаты и еще один диализный зал. В первых палатах почки еще пытались лечить, моя палата была седьмая, там даже анализов мочи не делали, считалось, что почек у нас нет по определению. Были палаты для пациентов на перитонеальном диализе – мужская и женская, и палаты для пациентов на гемодиализе. Позже я с удивлением узнала, что пациенты ПД и ГД взаимно недолюбливают друг друга. Казалось бы, что тут делить, но каждый хвалил свой метод лечения и хулил другой. Тем не менее, все сходились на том, что диабетики (такие как я) – люди второго сорта. «Вам даже почку нельзя пересаживать!». Не очень-то и хотелось: ходи потом и вздрагивай, как бы какую заразу не подцепить. Заразу – это потому, что после пересадки, чтобы не отторглась пересаженная почка, человек пожизненно пьет подавляющие иммунитет препараты и потому очень уязвим для любой инфекции. Наша палата была дальше всего от туалета, нужно было бежать через огромный коридор, зато ближе всех к «заливочной» – крохотной комнатке, в которой мы и должны были проделывать пресловутую процедуру.

Процедура заключалась в том, чтобы заливать в живот специальный раствор. Стенка брюшной полости, покрытая брюшиной и оболочки внутренних органов выполняли функцию фильтра: токсины накапливались в растворе, после чего раствор сливался и заливался новый. Проделывать это нужно было четыре раза в день, КАЖДЫЙ день, без выходных, праздников и отгулов. Врачи дали примерное расписание процедур: 7 утра, 12 дня, 5 часов вечера и 23 часа (перед сном). Так что выходило, что первое и последнее, что мы видели в течение дня – это пакет с раствором. В палате, как я уже сказала, был настоящий цыганский табор. Больные были в основном тяжелые и требовали ухода, поэтому почти со всеми неотлучно находились родственники. Тем более, что если «процедура» шла как-то не так (а могло случиться все, что угодно), сам пациент просто не мог со всем этим хозяйством подняться по крутой лестнице на третий этаж, чтобы позвать врача. Заливаться (это слово поначалу вызывало у меня шок, словно мы бензовозы какие-то) нужно было только в маленькой и якобы стерильной комнатке для заливок. До стерильности ей было примерно как до небес. Поскольку «процедура» у всех была в одно время, все страдающие в заливочную просто не помещались. В палате постоянно орал телевизор, принадлежащий одной из пациенток (она уже готовилась к выписке и чувствовала себя неплохо). Мне телевизор не мешал, но мама очень от него страдала. В общем, жуткая скученность, духота, сквозняк (когда проветривали палату) – все это было нормой жизни.

Напротив меня лежала моя тезка. Она попала на диализ за день до своего восемнадцатилетия. Худая и высокая, она с трудом переносила заливки, в ее организме просто не было места для двух литров раствора. Каждый раз после заливки ей становилось плохо: ноги отекали, давление поднималось до заоблачных высот. Но каждый новый врач считал своим долгом самолично попробовать ее залить – и убедиться, что этот метод ей не подходит. Кончилось тем, что после очередной попытки она потеряла сознание и у нее случился припадок наподобие

эпилептического. Только после этого ее перевели, наконец, на гемодиализ. Забегая наперед, скажу, что и гемодиализ у нее в итоге не пошел, и отец отдал ей свою почку, операция прошла успешно. Еще лежала с нами Ольга, пожилая полуслепая женщина с диабетом. С ней постоянно находились сын или, реже, муж. Терпение ее сына было просто сверхъестественным. Он приходил рано утром, делал все заливки и уходил поздно ночью, а иногда оставался и ночевать. Заливок Ольга боялась панически, всегда они оба сидели в масках и держали руки, как хирурги перед операцией. При этом с осуждением поглядывали на меня – я сидела без маски, с распущенными волосами, беспечно почитывая какую-нибудь (наверняка заразную!) книгу. Естественно, первый перитонит (воспаление брюшины вследствие попадания в нее инфекции) случился как раз у нее. Но это все было позже, а пока я никого и ничего не хотела видеть, и в голове пульсировало одно слово – КОНЕЦ, или даже хуже, чем конец. Действительно, стало еще хуже, когда я поближе познакомилась с медперсоналом.

В понедельник утром началось: для начала взяли кровь из вены, потом забежал в палату врач-хирург, делавший мне операцию, получил остаток своего «гонорара», едва взглянул на меня и вынес вердикт: «Ну, скоро выпишем». Конечно, что же меня держать – деньги-то уже получил, нечего койко-место занимать. Потом пришла непосредственно мой лечащий врач А. Надо сказать, что как раз она была получше остальных – тоже брала и деньги, и подарки, но хотя бы лечила одинаково и тех, кто ей их давал, и тех, кто не давал. Осмотрела меня, спросила, как идут процедуры.

– Чудес у нас не бывает, программа лечения заработает, но не сразу. Главное, за сахаром следите.

Тут мама пожаловалась, что сладкую еду дают.

– Ладно, напишу вам 9-й стол.

После завтрака в палату забежала высокая полная женщина и сразу громовым голосом заорала:

– Кто тут? Ты? Почему на перевязку не идешь? Я должна за вами бегать? Ты хочешь, чтобы у тебя дырка загноилась? Быстро на перевязку!

Это была М., перевязочная медсестра. На самом деле, добрая женщина, но в этой больнице ко всем было такое отношение, словно ты лежал тут всю свою жизнь и обязан был знать все больничные порядки. А если чего-то не знал, медсестры тут же принимались орать.

Я поползла на перевязку. С пятницы, дня операции, мою рану даже не смотрел никто, пластырь весь съехал.

– У тебя же еще и диабет! Как с пятницы не смотрели? У тебя же там кошмар, наверное! Надо же, нет, все в порядке, странно.

Странно. Странно, что я вообще еще жива. В «Трех мушкетерах» про кого-то сказали, что у него, видно, душа гвоздями прибита к телу. Подозреваю, что у меня эти две субстанции соединены аналогичным образом. Потому что при моих отеках, диабете и креатинине 1300 выжить можно было только при немедленном гемодиализе, а мне его так ни разу и не сделали. Сначала не было катетеров, потом были выходные. «А если пережила выходные, выживет и дальше», – видимо, ход медицинской мысли был примерно таким. После доброжелательных девочек-медсестер из нашей районной больницы никак не могла привыкнуть, что на меня, с трудом передвигающуюся и туго соображающую, все время орут и погоняют, как скотину.

– Это вы еще Л. не видели, она вам задаст, – страшали однопалатники.

Ну, вот и Л. пришла. Прежде всего заставила меня взвеситься – кошмар, 73 кг вместо моих нормальных 58! И стала учить нас «процедуре». Сначала хотела взяться за меня, но когда я попыталась удержать своими негнушимися сарделечными пальцами трубки, махнула рукой и взялась за маму. Ловкими движениями фокусника она ворочала пакеты и трубки и заставляла маму повторять, а при малейшем несоответствии маминих движений ее требованиям начинала орать. Когда мама (между прочим, закончившая мехмат МГУ), пыталась спросить ее, почему

так, а не иначе, ответ был всегда один: «Вы что, хотите, чтобы у нее был перитонит?». Наконец, мама не выдержала и сказала: «Вы что, не понимаете, что мы все в шоковом состоянии? Что мы такие же люди, как и вы, что такое с каждым может случиться?». Но хуже всего были не ее вопли. До понедельника мне заливали один литр раствора, а теперь, в добавление ко всем моим отекам, надо было непременно залить два. «Вы что, не понимаете? Иначе программа не будет работать», – это на мамино робкое: «Может быть, полтора?». Вот тут я поняла, что сейчас реально лопну. Никакие мольбы и уговоры не действовали – Л. стояла и смотрела, пока не залилось все до последней капли. Я тут же со всей возможной для себя скоростью побежала к туалету, где меня основательно прочистило, но все же не лопнула! Принесли обед. Какой уж тут обед! Я еле дышала, не то что еще и есть! Завалилась на кровать, ощущая себя персонажем рассказа Кафки «Превращение» – когда он превратился в жука, завалился на спину и не мог перевернуться.

К среде мы узнали, что, оказывается, все это время мне давали какие-то таблетки. Просто забыли сказать не только о порядке их приема, но и о том, что они мне вообще полагаются. Таблетки лежали в коробочке с моей фамилией в коридоре, пока кто-то из нашей палаты не принес их мне. «Программа» потихоньку начинала работать, отеки спадали медленно, но верно. Жить все еще не хотелось, но я все же начала прислушиваться к разговорам в палате, и даже с некоторым интересом наблюдать, как мама делает мне «процедуру». Она каждый раз пыталась мне показать, что к чему, но сначала я отворачивалась и на ее отчаянные вопли «Учись давай, что я с тобой дома делать буду?», говорила: «А ничего не делай, дай сдохнуть». Потом начала поглядывать вполглаза. Вообще обучение в больнице было поставлено из рук вон плохо. Необходимую для жизни и довольно опасную процедуру заливки показывали один-два раза, все остальное время мы были предоставлены сами себе. Спасались только взаимопомощью: более опытные на первых порах не оставляли новеньких, приглядывали за ними и помогали. Меня в палате осуждали – и за нежелание осваивать процедуру, и за то, что я упорно просыпала первую заливку (мама, устав со мной скандалить, часто утреннюю процедуру делала мне прямо в постели). Л. временно оставила нас в покое, видимо, сочтя свою миссию выполненной.

А в пятницу пришла Машка. За эту неделю, которая прошла после операции (и показалась мне месяцем) я успела понять, что нормальной жизни для меня больше не будет. И, скорее всего, все прежние отношения с людьми, если они, отношения, вообще останутся, радикально изменятся.

– О, совсем другие глаза стали, живые! – Машка обняла меня.

– Да? – удивилась я и стала горячо шептать ей на ухо:

– Здесь ад, настоящий ад! Что такое диабет, я только сейчас поняла – это такая ерунда, это просто как насморк!

Она с ужасом оглядела мой живот: да уж, отеки плюс два литра растворов, плюс здоровенный кусок марли (М. не пожалела бинтов) – полное ощущение беременности на девятом месяце.

– Да ладно, это ерунда. Вес уже уменьшился с 73 до 67 кг, и остальное спущу. Расскажи, как у тебя дела, у Кости.

– Костя завербовался куда-то на работу, далеко ездит, ему совсем некогда.

Я уже понимала (пока неделю лежала, все успела обдумать), что с Костей – все. Даже если бы я не попала вот так вот, как кур в ошип, и то было бы – все. Не любил он меня. И я давно это знала, только сама себя обманывала. А сейчас любой самообман терял всякий смысл. Я надеялась хотя бы на его сочувствие и минимальную дружескую поддержку – зря, как потом выяснилось. Машка принесла мне распечатку из интернета про перитонеальный диализ и книгу Донцовой. Тут до меня дошло, что за всю неделю я даже ничего не прочитала (с тех пор как я научилась читать, такого не было за всю мою жизнь). В голове у меня что-

то шелкнуло, и сразу после ухода Машки я взялась за ее распечатку. Началось возвращение к жизни – медленное, долгое и нудное.

В распечатке были страшные вещи: смертность от перитонита в течение первого года перитонеального диализа – 20% (с диабетом можно смело умножить на два). Меня осенило: так я уже покойник! Почему-то сразу стало гораздо легче – раз уже покойник, так и бояться-то нечего. Свое новое знание я попыталась донести до соседей по палате. Как они меня не пбили, до сих пор не понимаю. Подхожу, например, к Зое (пожилая женщина с пиелонефритом, ужасно боявшаяся всего – операции, процедуры, перитонита) и говорю ей:

– Ты знаешь, что все мы уже покойники? И поэтому бояться нам нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.